

Илья РЕЙДЕРМАН

***

Валерию Хаиту

С утра жара. Бунтуют Цельсий и Фаренгейт. Термометр врет! А ты трудись и мыслью целься за книги твердый переплет. В ней тиснут ли тебя, не тиснут? Ты в списках, где дадут гроши? А ты живи — пусть раки свистнут! А ты пиши. А ты — паши. Не будь немым и безответным — ведь в небе ширится дыра! Он жжет — огонь бессмертный в смертном. И что в сравнении с ним — жара? Конечно же, прохладней — Лета. Самозабвенья бром приму. Я поднят ввысь волною света и сброшен вниз, в живую тьму. О, слава свету, слава зною! Крещен жарой. Крещен бедой. Я — как картошка под золою — испекся. В шкурке золотой.

***

Мир нужно захватить врасплох — когда он не готов, не скроен, когда на холоде продрог или же чем-нибудь расстроен. Когда не смотрит в объектив и не позирует парадно, когда не очень-то красив, когда одет неаккуратно. Мир нужно захватить врасплох: вот дверь нечаянно открыта, ну а за ней — то плач, то вздох или просто судороги быта. Вот жизнь, забывшая о том, что есть Всемирный Соглядатай, не одержимая стыдом (а что творит — хоть стой, хоть падай!). Понять ее — не в красоте, не в истине, не в миг полета. Но в повседневной суете — Увидеть истинное что-то. И пусть он, мир, и плох, и лжив, забыл о правде сокровенной, а все же был живой порыв, пусть очень краткий, пусть мгновенный! Его бы только подглядывать. Он между слов и дел, он — между

всего, что живо лишь на треть. Но, значит, есть еще надежда.

***

Жизнь гениальна и проста. Как удержать? Неумолима! Она целует нас в уста и мчитса, словно ветер, мимо. Но ствол, порывом потрясен, раскачивает веткой важно, листе же — словно снится сон о жизни близкой, жизни страшной! Она ведь слабенький листок сорвет, неся в такие дали! И завопишь, что мир — жесток. Прекрасна жизнь... Добра? Едва ли! Жизнь гениальна и проста для тех, кто в силах жить без страха. А для страшущихся — пуста (они и сами — горстка праха). Лицом к лицу встречать порыв судьбы, стихии, жизни, воли. И отвечать: я жив, я жив, открыт для радости и боли. Жизнь гениальна и проста. Не удержать — ей все нейдет. ...О, Жизнь, целуй меня в уста — пусть даже сердце разорвется.

***

Когда уже — на финишной прямой, то жизнь —
в прекрасной подлинности длится.
И можно каждым мигот наслаждаться и осенью глубокой, и зимой.
Ведь жизни нить тонка, а рвется —
все, что тонко.
Давай глядеть без страха в полутьму.
Пусть время — власть теряет. Ни к чему спешить. Как ясно: бесполезна гонка!
Прийти — не первым. Глупо опоздать.
Мгновению позволить задержаться.
Как книгу, жизнь медлительно листать, и дать всему, что быть должно, свершиться.
И времени голодному назло испить сполна все радости, все боли.
Нет будущего. Прошлое ушло.
Есть только то, что есть сейчас, не боле!
И жизнь уже не сказочная птица — тобой заслуженная радость дня.
А лампы свет, что падает на лица, с тобой сближает ласково меня.

Одесса.

Галина ФЕДЯЕВА ВСТРЕЧА

...Спорить было бессмысленно — оставалось ждать.

Радан устало захватил ручку дорожной сумки и волоком потащил ее к выходу. В этом образе читалась некая обреченность, хотя сам мужчина сейчас был далек от этого состояния.

За спиной, в маленькой комнатке, шебаршилась маленькая женщина, переполненная возмущением по поводу горькой женской доли. Она молчала, но тот шорох, что доносился до его слуха, навел на мысль о том, как мечется по стенам коморки поток проклятий ему вслед, сотрясая не только самую старушку, но и нехитрый скарб этого помещения.

Размышления консьержки, как и предполагалось, были довольно активными. Да и беспокойство о том, что этот "любитель райских куц" может исчезнуть так же неожиданно, как и появился, не давало ей покоя. Внезапно она словно выросла за спиной гостя и сказала тихим примирительным тоном:

— Ладно, ради малого скажу. Лика на пляже "Отрада" — здесь пару остановок на трамвае. Мимо не проедешь — хоть на маршрутке, хоть на такси.

— А как найти?
— Вот чудной! Ты что, на море не был? Море одно, и берег тоже один, — развеселилась женщина. — Хоть пляж и большой, так приезжих-то пока нет — весна! А ты, раз уже приехал, походишь и найдешь — небось не стопчешься? Если она мидий собирает, значит, ходит у кромки воды — иди вдоль моря, по песку.

— А вещи на хранение возьмете?
— Да ладно уж, занеси, а то смоешься... ищи потом тебя еще десять лет, — пробурчала она не зло — так, для острастки.

Радан в несколько больших шагов преодолел расстояние от выходной двери до окна консьержки и уже быстро направился к выходу, прошмыгнув мимо медленно идущей старушки. Но пару секунд спустя вернулся. Женщина еще стояла на пороге каморки и испуганно воззрилась на раздумяющего от быстрого ходьбы лица гостя:

— Неужто передумал?
— Мне вот только кое-что нужно взять обязательно с собой... обязательно.

— Бери, — радушно согласилась, — тока не шуми — дите разбудит. Ишь, разбегался. Ты уж поторопи ее там, — почти приказала старуха, — малой в школу опоздает!

Она еще что-то говорила вслед, но Радан уже бежал к остановке и спустя каких-нибудь десять — двенадцать минут его ноги ступили на выложенную плиткой аллею, убегающую в глубь парка, к пляжу.

Первое, что он ощутил — это дух моря: оно было где-то рядом и притягивало своим неповторимым дыханием. Парк, раскинутый по склону, скрывал его образ "ширмой" из деревьев, преимущественно — акаций и дикой маслины, а потому для того, чтобы увидеть море, нужно было еще идти. Тем не менее, ощущение присутствия этого огромного "существа" было реальным — бриз уже распаханул свои объятия, лаская влажной "ладонью" всех, кто пришел на весеннее свидание с ним.

Идти было все тяжелее — ноги от волнения становились ватными. Более того, возникло ощущение, что бредет по колону в воде — каждый шаг давался с усилием.

То ли он был слишком занят собственными эмоциями, то ли, как любой, идущий на свидание, обычно бывает захвачен врасплох, но море открылось совершенно неожиданно

и залило полнеба, поглотив весь горизонт "солнечными зайчиками" "гарцующими" на мелких волнах, ослепив в одно мгновение.

Это была первая встреча — он никогда не видел моря. Радан ожидал чего угодно, но это ощущение не было похоже ни на какое иное прежде прочувствованное им.

2

Он раньше думал: "Любят люди превосходные формы выражения восторга — ах, море! Ну чем оно особо отличается от большой реки или озера? Ну, воды больше, а что еще? Пляж? Так он везде пляж, что на реке, что на море".

Теперь же мужчина остановился, как вкопанный, ошеломленный невиданным ощущением. Глядя на эту громаду, готовую поглотить, осознал, что лишь теперь ясно, почему он не мог понять впечатления других: море — это стихия, как и горы... даже философия! О стихии нельзя рассказать, все равно что делиться впечатлением от первого поцелуя — это нужно только лично чувствовать!

Ошеломляющее открытие — оказывается, в Одессе солнце рождается морем! Теперь можно понять, почему у греков богиня утренней зари — Аврора: в этом имени — созвучие не только потока света и всплесков воды, но и обещание невероятного счастья.

Какое сегодня необычное утро — это не утро, а кладовая открытий в мире и себе самом!

Подойдя ближе к кромке воды, Радан понял, что море не только огромное, но и довольно шумное существо, забыть о котором было нельзя, даже если закроешь глаза и отвернешься. Но если, отдыхая у горной реки, ты наслаждаешься всеми звуками — они тебя ласкают, то сейчас он чувствовал агрессию, исходящую от этой стихии. И тут же решил, что отдыхать у моря — это не для него.

Чувство тревоги невольно заполняло все его существо. Оглянувшись, он увидел, что действительно, как и предвещала старушечья, людей было немного — несколько человек прогуливались по аллее над пляжем. Обозорно пробежав глазами по береговому "убранству", он вновь вернулся взглядом к кромке волны. Вдали, у самой воды, стояла маленькая фигурка человека — уж очень маленькая, чтобы быть Ликой.

Еще раз осматрившись, он решил двинуться в сторону одиноко прогуливающегося человека. Решение было спонтанным, и объяснил он себе причину такого действия очень просто: любой гуляющий сможет ему помочь найти Ликю по словесному описанию и рассказать, видел ли такую женщину.

Радан шел, утопая новыми туфлями во влажном песке, и смотрел на безбрежную морскую даль, теряя контроль над игривыми, задиристыми волнами. Песок у самой воды был плотнее, и, если ступать по нему, можно было не так сильно проваливаться, но именно там и волны угрожающе накатывали, стараясь "ухватить" не только обувь, но и брюки. Пару раз ему пришлось клоунски подскокить, чтобы избежать очередного набега, потому что задиристые волны коварно "лизнули" его ботинки, просочившись холодом до пальцев.

Период адаптации проходил достаточно бурно, но Радан не выпускал из виду одинокую фигуру — если исчезнет и этот любитель озона, то и не у кого будет спросить. Он все ближе подходил к человеку и по мере приближения понимал, что это не маленький чело-

век, а довольно высокая женщина. Просто рядом с такой машиной, как море, все кажется мелким, особенно на расстоянии. Вон и корабли на рейде совсем игрушечные. Он остановился. Можно было не торопиться — женщина шла в его сторону.

Радан разложил на песке целлофановый пакет, что взял из своей дорожной сумки, и уселся, вытянув перед собой уставшие ноги. Он стянул со ступни туфлю и попробовал вычистить — потряс. Влажный песок налип на носки и на внутренние стенки обуви. Попытки быстро избавиться от пляжного наполнителя были тщетными. Пришлось снять носки и с их помощью выметать въедливые песчинки, доставляющие дискомфорт при ходьбе. В куртке, под которой был еще и зимний свитер, он воспринимал себя белым медведем, по ошибке попавшим в Каирский зоопарк. К тому же, сидя в неудобной позе, он был неуклюж и неловко справлялся с простой, казалось бы, задачей.

От усилий он даже вспотел. Плеск волны, шумно рассекаемый чьими-то энергичными ногами, заставил его отвлечься от своей проблемы.

Взглянув в сторону воды, он увидел стройные ноги, шлепающие по волнам, как

3

непослушный ребенок по лужам, ибо женщина была одета в легкий плащ, а не в купальник. Джинсы были закатаны до колен, но более светлый край отворота был уже явно влажным.

Картина была шокирующей, так как у Радана, сидящего на холодном песке, ступни превратились в ледышки и ему показалось, что все его разогретое тело пронизала дрожь от одного взгляда на эту женщину.

Он замер, наблюдая: это была она! Теперь объясним озноб — волнение давало о себе знать. Конечно, были сомнения, так как он не должен был вот так сразу узнать ее. За эти годы неоднократно ему мерещилось, что в толпе он видит именно ее, и каждый раз, всмотревшись, убеждался, что выдал желаемое за действительное.

Вот и теперь могло статься так — зная то, что Лика должна быть здесь, он готов узнать ее в первой же встретившейся женщине. Сейчас Радан видел лишь ее профиль — он был ему знаком.

Женщина шла, полностью погруженная в свои мысли. Она не походила на бодрую морскую здоровячку — для этого была уж слишком бледна. Периодически наклонялась и доставала что-то из воды, затем, остановившись, рассматривала находку, очищала, видимо, от песка и водорослей, только потом или бросала в воду, или же складывала в ярко-желтый целлофановый пакетик. Эта сосредоточенность женщины позволяла ему рассмотреть ее внимательнее.

Его озноб уже сменился жаром, а солнце разогрело еще сильнее. Здравый смысл мог поспорить с ним на предмет реальности, приведя в качестве довода банальный мираж. Из разного рода литературы ему было известно, что мираж является точной копией настоящей жизни, протекающей далеко от данного места: море может казаться реальным, люди будут двигаться и спешить по делам. Лишь время спустя видение исчезнет, оставив после себя пустоту.

Эта мысль подстегнула его двинуться за ней следом. Сунув носки в туфли, он легко поднялся и побрел в ее сторону. Тем временем женщина остановилась и вышла на песок. Расстелив на берегу что-то вроде покрывала, она бросила рядом тапочку и плюхнулась на колени, раскладывая и перебирая содержимое пакета с находками.

Благодаря песку и шумному говору волн Радан подошел к ней достаточно неслышно, хоть меньше всего ему хотелось пугать ее своим неожиданным появлением. Он встал так, чтобы попасть в поле ее зрения. Однако Лика не подняла головы выше его босых ступней. Тогда он встал перед ней на колени, точь-в-точь так, как стояла она.

Вскользь взглянув на него, она не ойкнула, не вздрогнула — не произнесла ни слова. Лишь бегло цепким взглядом осмотрела его лицо и резко опустила ресницы. По чересчур бледной коже растеклась ожоговая краснота, которая тут же поблекла, оставив на щеках яркий след в виде неровных пятен румянца.

— Вот, решил, наконец-то, увидеть море, — нарочито небрежно начал Радан.

— Так походи окуни руки в воду — поздоровайся, вернее, познакомься, — сказала она настолько просто и обыденно, словно разговаривала с сыном, который при ней постоянно.

— Ты говоришь о море, как о человеке.
— Так оно и есть — море почти человек, только лучше. Сколько бы к нему ни приехала, оно всегда разное: то ласковое, то возмущенное, то томно-флегматичное, то философски-задумчивое, а то говорливое... Море для меня — и собеседник, которому можно всю душу вывернуть, — со всей откровенностью призналась Лика.

— Для меня это открытие... надо же! Да только водные процедуры мной не планировались, — отказался гость.

— Зачем тогда к морю ехать? — убедительно удивилась она.

4

— Тебя, старушку, навещать да о жизни поговорить...

— "За жизнь", — поправила Лика, — у нас здесь говорят: "за жизнь поговорить".

— Хорошо подмечено — вроде заменен всего один предлог, а значение становится глубже. Действительно, "о" в данной ситуации слишком отблекаемо, даже сторонне, вроде о чужой жизни собираемся поболтать. Мы же должны "за" нашу с тобой сказать слово...

Не получив ответа, он снял куртку, пиджак и... бросил на песок. Оставшись в свитере, брюках и без носков, Радан решил, что для приветствия вполне нормальная одежда. Теперь, ступая босыми ступнями по холодному песку, он не чувствовал особого дискомфорта, даже ощутил определенную долю бодрости. Однако когда сделал шаг в воду, то тут же отскочил назад: это же надо, при таких жарких лучах — ледяная вода! Столь не связующиеся ощущения отозвались знакомой ассоциацией где-то глубоко в подкорке, там, где живут давние события своей тихой жизнью и обычно тревожат только по ночам. Он замер, прислушиваясь к себе, легко улыбнулся и окунул руки в набевашную волну.

Возвращаясь к Лике, Радан почувствовал, что в момент, когда солнце скрылось за одинокую тучку, ветер с моря окреп и стер фрагмент лета из контекста данного пляжа — захотелось натянуть теплую куртку.

Лика сидела, глядя вдаль и, казалось, не замечала перемены в погоде, лишь непроизвольно поеживалась. Радан поднял свою куртку и вынул из ее недр шуршащую упаковку:

— В дороге я вспомнил наш с тобою давний разговор. В плену ты рассказывала о двух стариках на пляже под одним пледом... Тогда ты сказала, что для тебя это символ счастья людей, проживших вместе целую жизнь. Мне очень захотелось осуществить ту самую давнюю мечту о том, что когда мы будем...

— Но мы не старики, — отрезала Лика.

— Когда мы станем ими, будет слишком поздно...

Украина.